

Литературная беседа

Средством для этого въ его глазахъ было просвѣщеніе. Ими Гамбетты золотыми буквами вписаны на свои страницы новѣйшая исторія Франціи. Республика во Франціи, которой посвящаетъ свою жизнь этотъ замѣчательный человѣкъ, все болѣе и болѣе упрочивается и представляется дѣйствительнымъ залогомъ прогресса страны.

«Надежды» нашей литературы сравнительно рѣдко дарить читающую публику плодами своего творчества и съ понятнымъ интересомъ приходится останавливаться на каждомъ ихъ произведеніи. Въ разсматриваемой книжкѣ «Русской Мысли» напечатанъ разсказъ А. И. Чехова «Палата № 6». Талантливый беллетристъ въ немногихъ страницахъ съ присущими ему мастерствомъ и силой на фонѣ обыденной жизни мелкаго узднаго городка развертываетъ потрясающую драму. Исторія такова. Узднй врачъ А. Е. Рагинъ поколебленъ въ своей специальности. Дѣло ему пріекупило и однообразіемъ, и очевидной безполезностью. Условія труда совершенно обезпложиваютъ его. Развѣ можно лечитъ въ городской больницѣ, гдѣ тяжело дышать отъ сырости, гдѣ отъ таракановъ, клоповъ, мышей житья нѣтъ, гдѣ рожа не переводится, гдѣ наконецъ вонючан, кислая капуста—единственная пища больныхъ? А. Е. кромѣ того—философъ. Зачѣмъ мѣшать умирать людямъ, когда смерть нормальный, законный конецъ всего? Что изъ того, если какой нибудь чиновникъ, торговецъ проживетъ лишнихъ пять-десять лѣтъ? Можно облегчать страданія, но зачѣмъ? Страданія ведутъ въ совершенству, безъ нихъ человечество заброситъ религію, философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всѣхъ бѣдъ, но и счастье. И живетъ А. Е. немножко работая днемъ, а вечеромъ съ удовольствіемъ читая философію, исторію, которыя онъ особенно любить или бесѣдуя съ своимъ пріелемъ почтмейстеромъ на тѣже отвлеченныя темы. Въ завѣдываніи А. Е. находится палата съ душевными больными. Въ числѣ послѣднихъ находится бывшій судебный приставъ Иванъ Громовъ, страдающій маніей преслѣдованія. Жизнь Г—ва протекала средѣ лишений и несчастій, мнительный, раздражительный онъ ни съ кѣмъ близко не схо-

дился, къ горожанамъ относился съ презрѣніемъ, находилъ мерзкими, отвратительными ихъ грубое невѣжество и сонную, животную жизнь. Въ своихъ сужденіяхъ Г—ва клалъ густыя краски, не признавая отѣнковъ. Человѣчество дѣлалось у него на честныхъ и подлецовъ, середины не было. Легко было такому человеку заболѣть душевно и онъ заболѣлъ. Картина постепеннаго заболѣванія передана авторомъ почти клинически. Съ такимъ то человекомъ знакомится Рагинъ, находитъ его интереснымъ собесѣдникомъ, какихъ въ городѣ нѣтъ и учащаетъ свои посѣщенія въ палату № 6. Громовъ и Рагинъ спорятъ—одинъ—идеалистъ, другой—стоикъ. Р. проповѣдуетъ пассивное отношеніе къ жизни, Г. настаиваетъ на борьбѣ. Ничего безумнаго въ разговорахъ ихъ нѣтъ. Г. только временами обнаруживаетъ свой недугъ. Никто однако: ни фельдшеръ, ни Никита (сторожъ), ни сидѣлки не могутъ понять—зачѣмъ докторъ сидитъ цѣлые часы въ палатѣ № 6, не прописывая рецептовъ. Недоумѣніе равняется по городу. Человѣкъ находитъ удовольствіе въ дневныхъ бесѣдахъ съ сумасшедшимъ—очевидно дѣло не ладное. А. Е. кругомъ себя начинаетъ замѣчать какую-то таинственность. Его подъ разными предлогами свидѣлствуютъ, подъ видомъ отдыха отставляютъ, везутъ путешествовать, докторъ даетъ бромистый натръ, всѣ относятся какъ къ больному.

Такое отношеніе окружающихъ естественно тяготитъ А. Е., вынуждаетъ на одну ризкую выходку и его обманомъ заключаютъ въ палату № 6. Нужно представить себѣ душевное состояніе здороваго человека, признаннаго сумасшедшимъ, чтобы понять ужасъ положенія А. Е. Для него ясно, что вся болѣзнь его въ томъ, что за 20 лѣтъ встрѣтилъ въ городѣ одного умнаго человека, да и тотъ оказался сумасшедшимъ. Страхъ, обѣда, отчаяніе овладѣваютъ А. Е., онъ дѣлаетъ попытки объяснитъ ся, уйти, его не пускаютъ, А. Е. горячится, ему вторитъ и Громовъ, оба доходятъ въ припертую Никитой дверь... и вотъ финалъ: Никита быстро отворилъ дверь, грубо, обими руками и коленнымъ отпихнулъ А. Е., потомъ размахнулся и ударилъ его кулакомъ по лицу. А. Е. показалось, что громадная

соленая волна накрыла его съ головой и потащила къ кровати; въ самомъ дѣлѣ рту было солоно; вѣроятно изъ зубовъ пошла кровь. Онъ точно желая выплѣть, замахалъ руками и ухватился за чью-то кровать, и въ это время почувствовалъ, какъ Никита два раза ударилъ его въ спину... На другой день А. Е. умеръ отъ апоплексическаго удара... Чрезъ день его хоронили, на похоронахъ были только пріятель-почтмейстеръ да кухарка Дарьюшка.

Въ «В. Е.», обычно скудномъ по части беллетристики, обращаетъ на себя вниманіе рассказъ Наумова «Въ глухомъ мѣстечкѣ». Дѣйствіе происходитъ въ мѣстечкѣ западнаго края съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ. Меламеда (учителя) Шлему, существовавшего вольной школой, лишаютъ права имѣть ее, семья изъ 8 человекъ остается на зиму безъ куска хлѣба, безъ крова. Шлема—типичный талмудистъ-философъ, для котораго смыслъ жизни и высшій наслажденіи состоятъ не въ житейскомъ comfortѣ, а въ изслѣдованіи таинственнаго значенія буквъ и вычисленіи талмуда. Голодный, холодный онъ выше стоитъ постигшаго его вѣшняго несчастія и по прежнему, полный внутренней жизни, отвертывается отъ будничной суеты. Какъ и всегда, такъ и теперь въ субботу въ проповѣдникъ синагоги ребе Шлойме вы не узнаете обычнаго Шлему. Предъ вами властелинъ толпы съ гордой осанкой, безплотнымъ взоромъ очей, повелительными жестами, звучнымъ голосомъ, бьющимъ силой и желѣзной убѣжденностью. Шлемки съ неяснымъ и мутнымъ взоромъ мышиныхъ глазъ, робкаго, растеряннаго, жалкаго, презираемаго «жида» нѣтъ.

Шлема простужается и опасно заболѣваетъ. Въ довершеніе всѣхъ злоключеній онъ оказывается, 30 лѣтъ тому назадъ, дезертировавшимъ отъ воинской повинности. Больного, еле дышащаго, съ безкровнымъ лицомъ, вздрагивающими челюстями Шлему приводятъ въ канцелярію полицейскаго надзирателя. Здѣсь, среди издѣвательствъ, насмѣшекъ, онъ обнаруживаетъ свою нравственную мощь. «Это отъ Бога» говоритъ онъ, выслушавъ бумагу объ арестованіи и этапной высылкѣ. Добросердечный, впечатлительный надзиратель, пораженный этимъ,